

На свой юбилей Галина Вишневская не могла не приехать в Россию. Но еще несколько дней назад была у себя дома, в Париже, где с ней и побеседовал наш корреспондент.

Галина Павловна, как вы будете праздновать свой юбилей?

— Это будет нормальный день рождения. Я буду в Петербурге — в юбилей хочется быть у своих истоков. А затем поеду в Кронштадт, где меня примет мэр. Недавно мне присвоили звание почетного гражданина Кронштадта. За всю историю этого замечательного города, основанного Петром Первым, только 12 человек были удостоены такой чести. Я оказалась тринадцатой и невероятно горжусь своим новым званием, как и медалью “За оборону Ленинграда”, которую получила девчонкой в 15 лет. Двенадцатым почетным гражданином Кронштадта стал знаменитый подводник Маринеско. Вот следом за “портретом” такого героя в галерее почетных граждан Кронштадта теперь иду я.

Большой театр посвящает вам свой спектакль. Намерены ли вы присутствовать на этом вечере?

— Конечно. Вначале в театре хотели сделать его 25 октября. Я сказала — какой же юбилей без юбилярши, у умерла что ли? Раз уж меня удостоили такой чести, я хочу присутствовать на этом вечере. Так что дату поменяли. Вечер состоится 27 октября, когда я буду в Москве.

От официальных торжеств где бы то ни было, в Москве или Петербурге, я отказалась. Пять лет назад у меня уже был один юбилей на сцене Большого театра — 45-летие творческой деятельности. А теперь будет просто праздник, на который, как всегда, придут мои друзья. Юбилей... Какой юбилей — я совершенно не чувствую своего возраста. Смотрю на себя в зеркало и думаю: 70 лет? Не может быть! Но у меня нет никакой печали по этому поводу. И никаких комплексов. Живу полноценной жизнью, чувствую себя нормально, и мой взгляд на жизнь точно такой же, каким был 30 — 40 лет назад.

Вы известны в мире как изумительная певица и как яркая, сильная личность с очень требовательным подходом к жизни. В чем ваше кредо?

— Сама никогда не могу льстить людям и не выношу, когда мне льстят. Compliments — другое де-

ло. Когда актрисе, женщине говорят приятные вещи, это прекрасно. Никогда не отказываюсь выслушать комплименты. Но лезть — такая же мерзость, как ложь. Пусть неприятная, даже ужасная, но правда. Бывают такие ситуации, когда спокойнее не знать правды и даже можно себе это позволить. Но я всегда предпочитала знать и все перебороть, потому что жить во лжи и подозрениях невыносимо. Всегда добиваясь правды и притом немедленно!

Большое счастье — дарить людям радость. Раньше вы давали ее своим искусством. А сейчас?

— Помогаю молодым певцам. Ко мне на мастер-классы приходят не те, у кого все блестяще, а те, у кого все очень плохо. Я просто спасла несколько певцов. Они уже не могли выступать, а сейчас вновь поют и имеют кусок хлеба. Например, Нина Павловская, которая пела в Петербурге в “Леди Макбет Мценского уезда”. У нее были страшные проблемы с голосом. Я просто заново ее родила и очень этим счастлива. Занималась бесплатно — никогда не возьму денег у певицы, которая не работает. Я очень рада, что Бог дал мне умение помогать людям именно в моей профессии. Но помимо этих занятий, есть и другие заботы. Мы с Ростроповичем основали фонд помощи детской больнице Академии педиатрии в Петербурге. При его содействии она получила оборудование уже на несколько миллионов долларов. Это не только наши деньги, но и тех, с кем мы поддерживаем контакты в США, Японии, Франции.

Есть у меня еще и скромный фонд для пенсионеров — бывших хористов и солистов Большого театра. И вот там уже только мои личные средства — никто другой и копейки в него не вложил.

Какие проблемы, на ваш взгляд, существуют сегодня у русского оперного искусства?

— Кризис переживает опера во всем мире, в России он просто виден отчетливее, поскольку к общемировым добавляются еще и собственные серьезные финансовые проблемы. Чтобы хоть что-то заработать, русские певцы разбегаются кто куда может. Их надо понять. Они видят, как нищенствуют сегодня пенсионеры, по 25–30 лет проработавшие в Большом театре. Пенсия — 200 тысяч, накопления, которые должны были дать возможность продержаться до конца жизни, съела ин-

фляция. Молодежь понимает, что ей может быть уготована та же участь, и старается заработать себе на будущее. Беда в том, что в России, в отличие от Запада, так и нет настоящей контрактной системы. То, что сейчас пытаются ввести, по-моему, — какая-то пародия на контракт. Контракт — это обязанность артиста перед театром и театра перед артистом. Здесь же, насколько я поняла, побеседовав на эту тему с некоторыми певцами, ничего подобного нет. Если контракт не является гарантией заработка, тогда зачем он вообще нужен? Я уж не говорю о том, какие мизерные здесь гонорары. Кто захочет работать за эти копейки? Артисты будут разбегаться и дальше.

И все же Большой так или иначе пытается преодолеть трудности застоя и обрести новое дыхание... Как вы думаете, одержит ли он в конце концов победу?

— Но в годы застоя театр был лучше, чем теперь. Сегодня-то вообще все развалилось. Нет настоящих труппы. Нет премьеров высокого класса, которые изо дня в день выходили бы на сцену. “Хованщина” состоялась благодаря труду и таланту Б.Покровского и М.Ростроповича. Три исполнителя ведущих партий — Марфы, Хованского и Досифея были приглашены из Петербурга, потому что в Большом театре не нашлось достойных претендентов. О каком же “втором дыхании” можно говорить — состояние театра такое, что лишь бы амбарный замок не повесили на двери.

Что может его спасти?

— А все то же — подлинная контрактная система. Причем надо платить настоящие деньги, хотя бы 80 процентов западных гонораров. Сегодня мир открыт всем. И тот, кто может в этом мире найти себе достойное применение, не захочет — и не обязан — влечь нищенское существование в ожидании еще более нищенской пенсии. Я получаю высшую пенсию — пенсию народной артистки Советского Союза. Это 230 тысяч рублей. Ростропович мне говорит: зачем тебе это надо? А я, всю жизнь отдав Большому театру, хочу знать и помнить, во что оценили мой труд в России. Но у меня — своя судьба. А другие? Можно ли сейчас прожить на такую пенсию? Вы знаете ответ.

Как продвигается строительство здания оперной школы имени Галины Вишневской?

— Вот приеду в Москву и посмо-

Кушотура. — 1996. — 26 окт. — С. 13.

Галина

три. Насколько я знаю, скоро здание должно быть готово, ведь оно не такое большое — всего три этажа. Зато очень красивое. Бело-желтое, с колоннами, выдержанное в стиле неоклассицизма, оно должно органично вписаться в архитектуру старой Москвы. Будет стоять на Остоженке, словно стояло там всегда: уникальная школа оперного пения, принадлежащая городу.

Какой она будет?

— В ней станут заниматься молодые певцы сразу по окончании консерватории. В течение года они будут проходить курс лекций по вокальному и сценическому мастерству, заниматься языком, дикцией, пластикой, общаться с режиссером и дирижером. Но главное — они подготовят по две три партии. В театре некому и некогда заниматься с начинающим артистом. Поэтому, даже имея хороший голос, молодые певцы могут надолго оказаться не у дел, в результате появляется неуверенность в себе, и так и застрянешь на маленьких ролях до самой пенсии. А наша школа даст возможность артисту показать себя на сцене подлинным персонажем. У нас будет зал на 200 мест, сцена, оркестровая яма, так что можно поставить и картину из оперы, и целый спектакль. Обязательно будем приглашать импресарио, чтобы они могли оценить перспективу наших артистов. Такой школы до сих пор нигде в мире не было. Поэтому очень трудно составить систему обучения. Но надеюсь, что у нас это получится.

В чем выразится ваше участие в работе школы?

— А я сама буду в ней работать. Мне это интересно, я это люблю и умею. В течение восьми месяцев — такой, вероятно, будет продолжительность одного курса — я смогу периодически приезжать в Москву на три-четыре недели. Свою работу никогда никому не передоверю — это мой принцип!

— Оперу М.Ландовски “Галина”, впервые поставленную в Лионе, намерена через сезон

поставить и Парижская опера. Не задумал ли кто-либо такой проект в России?

— Пока нет. Я передала клавиру Лие Могилевской, концертмейстеру Большого театра. Русский подстрочник французского текста у нее тоже есть, теперь она “приспосабливает” его к музыке. Так что оперу вскоре можно будет ставить и в России. Надеюсь, что кто-нибудь ею заинтересуется. Ведь это первая опера о нашей действительности, вдобавок еще и о судьбе ныне живущей русской певицы. Есть у нас оперы на революционную тему, но у нашем времени нет ничего. Ну вот француз взял да и написал ее за нас.

После того как сыграли Екатерину Великую в спектакле МХАТа “За зеркалом”, думаете ли вы о новых ролях в драматическом театре?

— Я хотела бы сыграть яркую, сильную личность, одержимую большими страстями, например, боярыню Морозову. Пока роли такого масштаба я не вижу. А если появится, сыграю с удовольствием. Кстати, недавно в Нижнем Новгороде на фестивале, посвященном памяти Андрея Сахарова, мы два раза показывали спектакль “За зеркалом”, а 8 ноября опять покажем его во МХАТе. Он очень мне нравится.

А чем?

— Екатерина — потрясающий персонаж, что видно и в этом спектакле, хотя здесь представлен только “кусочек” ее интимной жизни — встреча с Ланским. А ведь можно написать пьесу о Екатерине-государыне, представить ее молодые годы, ее становление, да все вместе взятые! Замечательная пьеса может получиться. А возможно, она уже и существует, только я не знаю. Или, например, написать пьесу о Елизавете. Я — оперная певица и привыкла к театральности, а не к быту. Мне интересны царственные роли.

— А я вот подкажу вам еще одну роль. Вдруг вас провозгласят президентом России

(она смеется) — с какого указа вы начнете свое правление?

— Все та же Екатерина Великая, хороший пример для многих государей, между прочим, всегда говорила: “Работать, работать и работать”. Я тоже так считаю. Работа — это великое слово. Людям нужно дать идею, дать цель, достижения которой они будут добиваться, а значит — работать. Не работая, не достигнешь ничего. Это надо объяснить народу, чтобы он не пребывал в таком “распластанном” состоянии, не жил, как в трясине. Люди все чего-то ждут: вот завтра случится, вот послезавтра... Наверное, только монархия могла с этим справиться. Батюшка-царь объявлял указ, и давай — работай. Вот тебе кнут, вот тебе пряник, и вкалывай. А сейчас человек, вдруг почувствовав, что нет над ним кнута, почему-то растерялся: не может сам собраться и действовать. Так нужно дать ему цель и обеспечить пути ее достижения.

Ваша жизнь проходит в разных странах, но чаще всего вы, конечно, бываете в России и Франции. Где ваш настоящий дом?

— Я уже привыкла к Парижу, здесь я живу. Здесь мой дом, вернее, моя квартира. Раньше между Москвой и Парижем была огромная разница. Но сейчас почти никакой. Когда я приезжаю в Москву или Петербург, у меня нет ощущения, что я перелетела границу. Просто захожу в самолет и через четыре часа выхожу в другом городе. Иду в любой магазин и покупаю все, что мне нужно. А ведь еще в 91-м году я должна была тащить с собой зубную пасту, туалетную бумагу, целый чемодан еды. Эти “границы” стерлись совершенно. И, слава Богу, что мы до этого дожили.

Однако в вашей парижской квартире себя ощущаешь, как в царском Петербурге.

— Вы правы. Здесь атмосфера не Москвы, а именно Петербурга. Я создавала этот дом, чтобы в нем “жила” моя Россия, и мечтала, чтобы она стала такой. Все, что здесь есть, собрано за 22 года. В каждой мелочи — часть моей души. Я живу здесь в своей прекрасной России, где можно забыть многие проблемы, хотя все до конца забыть невозможно. Сижу сейчас с вами, и нет-нет, да кольнет тревога — а что-то там у нас будет дальше?

— В Петербурге сейчас строят для вас хороший дом. Сможет ли он принять вашу изумительную коллекцию шедевров рус-

ского искусства?

— Места там достаточно. Но в первую очередь мы перевезем наш архив, в котором много рукописей композиторов, посвящавших свои произведения мне и Славе. Это, конечно, должно принадлежать России. В том доме тоже будет достаточно хороших вещей. Но парижскую коллекцию пока трогать не буду — рисковать шедеврами искусства не имею права. И потом — я ведь еще живу здесь, в Париже.

Уже 41 год вы с Мстиславом Леопольдовичем Ростроповичем идете по жизни вместе. Что сохраняет ваш легендарный семейный альянс?

— Стремление к взаимопониманию. Полного взаимопонимания, по-моему, не бывает. У каждого человека — свои эмоции, и чем он талантливее, тем более эмоционален. Но нужно стараться понимать друг друга. Поставить себя на место другого, влезть в его шкуру — это самое трудное. Часто мы слушаем одно, а слышим другое. Жить своим умом и чужими чувствами — великое дело, это сродни религии.

Очевидно, эту религию исповедует вся ваша большая семья...

— Да, действительно большая. У нас двое детей, шестеро внуков и два зятя. Двенадцать человек — это уже целый клан! У всех внуков истинно русские имена: Иван, Сергей, Настасья, Александр — дети Елены, Олег и Мстислав — Ольги. Младшему, Мстиславу, в марте будет два года. Они с дедом обожают друг друга. Во Франции принято обращаться в семье по имени. Но своим внукам я это запретила. Они называют меня бабушкой, и мне это ужасно нравится. В этом слове есть что-то очень родное.

Сейчас вся наша семья должна приехать в Петербург на мое 70-летие. Но собраться нам всем непросто. Ольга со своей семьей живет в Америке. А вот Елена с мужем и четверо их детей у нас бывают очень часто. Как только я возвращаюсь в Париж, на следующий же день зову их обедать. Ванечка, как и я, родился 25 октября. Так что в Петербурге мы будем праздновать наш общий день рождения. Вместе нам исполнится 83.

Какими вы хотите видеть ваших внуков в будущем?

— Главное — чтобы они выросли в любви и правде. Моя бабушка была крестьянкой, она не умела читать и писать, но у нее были две заповеди: не воруй и не ври.

От этого проистекает все зло в мире. Думаю, внуки будут жить честно. Их воспитание позволяет на это надеяться. Мои дочери все свое время отдают детям — матери из них вышли прекрасные.

Вы не только сделали блистательную карьеру, но и воспитали прекрасных дочерей. Как вам это удалось?

— Никакие качества мы с мужем специально в них не воспитывали — для этого у нас просто времени не было. Но они непосредственно изо дня в день участвовали в нашей жизни и все переживали вместе с нами. Мы уехали из России, когда одной было 18, а другой — 16 лет. Им тоже надо было пережить разлуку с друзьями, школой, с привычным миром. Вначале думали, что за границей все чудесно. Но оказалось, что это совсем не так. Надо было много учиться, заниматься. Им часто приходилось оставаться одним, потому что и я, и отец все время были в разъездах. Ведь приходилось элементарно зарабатывать деньги — новая жизнь — с нуля и начиналась. Дети все это понимали, потому что, слава Богу, получились хорошие.

Галина Павловна, о чем сейчас в этой парижской квартире мечтает великая русская певица?

— У меня прекрасная семья и устроенная, налаженная жизнь. Пусть все останется, как есть. Молясь на ночь, перечисляю всю семью и для всех прошу только здоровья. Будет здоровье, будет все.

Каждый раз, беседуя с вами, не устаю восхищаться вашей красотой. В чем секрет вашего неуязвимого обаяния и потрясающего изящества фигуры?

— Если я позволю себе есть столько, сколько я хочу, это будет катастрофа: десять килограммов, во всяком случае, прибавлю точно. Поэтому всю жизнь хожу полуголодная. А выгляжу неплохо потому, что никогда не думаю, сколько мне лет, и не считаю морщин. Естественно, я хочу хорошо выглядеть. Утром встаю и прежде всего привожу себя в порядок. Даже дома не позволяю себе ходить, не подкрасив губы и ресницы, а тем более — не причесавшись. Охота ли увидеть в зеркале какую-то каргу, себя расстроить и возненавидеть? Нет, надо жить в мире с собой!

Беседу вел Виктор ИГНАТОВ

ПАРИЖ